

Милюков Павел Николаевич

**История второй русской
революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Николаевич М.**
История второй русской революции / Милюков Павел Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 292 с.

ISBN 978-5-519-96596-5

ISBN 978-5-519-96596-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Первый длительный кризисъ власти.

Три фазиса „углубленія“ революціи. Затяжной характеръ министерскаго кризиса. Продолженіе правительственнаго кризиса. Уходъ кн. Г. Е. Львова. Декларация 8-го Іюля. Вліяніе неудачи наступленія. Новые переговоры съ к. д. Перерывъ переговоровъ. Отставка Керенскаго. Совѣщаніе партій въ Зимнемъ Дворцѣ. Керенскій возвращается. Возобновленіе переговоровъ. Признаніе новаго правительства партіями.

Разбираясь въ политическомъ содержаніи первыхъ двухъ періодовъ дѣятельности революціонной власти и сопоставляя ихъ съ послѣдующими, необходимо отмѣтить слѣдующія черты, характеризующія поступательный ходъ русскаго революціоннаго процесса.

1. Политическая борьба при *первомъ* правительствѣ шла между социализмомъ, и „буржуазіей“. Съ одной стороны стоялъ весь блокъ социалистическихъ партій, сплотившихся въ противоположность „буржуазіи“, въ органахъ т. наз. „революціонной демократіи“. Съ другой стороны, ей противопоставлялись предполагаемые представители этой „буржуазіи“ въ правительствѣ. При *второмъ* правительствѣ блокъ побѣдилъ, — и раскололся. Борьба передвинулась уже на ступень дальше влѣво: она шла теперь между умѣреннымъ социалистическимъ большинствомъ „демократическихъ“ организацій и ихъ меньшинствомъ. Послѣднее представляло точку зрѣнія утопическаго социализма: бланкизма и революціоннаго синдикализма. Этотъ второй періодъ борьбы закончился фактическимъ пораженіемъ большинства, дискредитированнаго въ глазахъ той массы, на которую оно хотѣло опереться. А пораженіе большинства фактически приводило къ господству крайней большевистской группы меньшинства, уже тогда опиравшейся на значительную часть петроградскихъ рабочихъ и гарнизона.

Однако, меньшинство это все же не было достаточно сѣорганизовано. При всемъ вліяніи его демагогическихъ

лозунговъ на массу, оно еще не имѣло ни опредѣленной положительной программы, ни вооруженной силы, готовой поддерживать его господство. Одно было ясно, — что программа большевизма можетъ быть только разрушительной по отношенію ко всему существующему и только-утопической въ своей положительной части. Ясно было также и то, что осуществить такую программу можно лишь при помощи внѣшняго принужденія. Въ томъ и другомъ отношеніи, психологическое сопротивленіе, на которое натолкнулась бы побѣда крайняго фланга, было тогда еще слишкомъ велико. Не исключена была возможность и немедленнаго физическаго противодѣйствія со стороны не затронутыхъ еще пропагандой военныхъ частей. Вѣроятно, поэтому инициаторы возстанія 3—5 Іюля сами смотрѣли на это возстаніе, лишь какъ на первую пробу. „Правда“ гласно объ этомъ заявила. Для „первой пробы“ вожди возстанія встрѣтили меньше сопротивленія, чѣмъ могли ожидать. Въ этомъ смыслѣ возстаніе пошло дальше намѣченной цѣли. Оно чуть не отдало власть въ руки большевиковъ и, во всякомъ случаѣ, показало имъ, что, технически, предпріятіе ихъ вовсе не такъ трудно осуществить, какъ это могло казаться раньше.

Въ ожиданіи новой и окончательной прсбы — при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, положеніе, по необходимости, оставалось прежнее. *Формально*, господствующее вліяніе продолжало принадлежать укрѣпленно-соціалистическому большинству совѣтовъ. *Фактически*, вліяніе этого большинства на городскія массы чрезвычайно ослабѣло. Объ этомъ вскорѣ и засвидѣтельствовали выборы въ крупныхъ городскихъ центрахъ. вмѣстѣ съ ослабленіемъ группъ, занимавшихъ политически центральное положеніе, соответственно усилился не только лѣвый большевистскій флангъ (усиленіе его, собственно, и было причиной ослабленія центра), но также и правый „буржуазный“ флангъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что, несмотря на выходъ изъ правительства министровъ партіи к. д., и послѣ возстанія 3—5 Іюля идея коалиціи не только не исчезла, но, наоборотъ, пріобрѣла временно больше силы и значенія, чѣмъ имѣла прежде.

2. Къ этому вела и та *вторая* черта, которую также надо отмѣтить: самое *существо программъ*, смѣнявшихся въ процессѣ „углубленія“ революціи. Первое правительство, по существу, занималось не „углубленіемъ революціи“, а укрѣпленіемъ ея завоеваній. Этому правительству принадлежитъ почти вся созидательная

работа, которая при немъ началась, а продолжалась и была закончена при слѣдующихъ правительствахъ. Но при первомъ же правительствѣ начался распадъ власти въ странѣ, разложеніе арміи на фронтъ и организація социалистическихъ партій въ органахъ „революціонной демократіи“. Переходъ къ коалиціонному министерству былъ *добровольной* уступкой вновь организовавшимся силамъ, которыя, по добросовѣстному убѣжденію большинства членовъ перваго кабинета, представляли собой „живыя силы страны“, ея настоящую „демократію“.

Ходъ и исходъ дѣятельности второго правительства (перваго коалиціоннаго) не оставилъ мѣста никакимъ дальнѣйшимъ иллюзіямъ по этому поводу. Единственной реальной задачей, которую ставило себѣ это правительство, было успѣшное окончаніе войны въ согласіи съ союзниками. Но приемы, которыми имѣлось въ виду достигнуть этой нормальной военно-дипломатической цѣли („демократизація“ арміи и циммервальдскія начала внѣшней политики), оказались въ полномъ противорѣчій съ самими цѣлями. Примѣненіе ихъ не могло не привести политику власти — а съ ней и самую власть — къ рѣшительному крушенію.

Фіаско „демократической“ внѣшней политики вполнѣ обнаружилось уже къ концу перваго мѣсяца коалиціи. Грозные признаки неудачи военнаго наступленія — неудачи, также предвидѣнной социалистами, — появились уже къ концу второго и послѣдняго мѣсяца коалиціоннаго управленія. Одновременно съ противорѣчіемъ между *задачами* военно-дипломатической дѣятельности и ея *приемами* развернулось другое, еще болѣе глубокое и основное противорѣчіе: въ пониманіи всей задачи революціи.

3. Это послѣднее противорѣчіе — въ области социальной политики — по существу, было *противорѣчіемъ между научнымъ и утопическимъ социализмомъ*. Но, при шаткости границъ между тѣмъ и другимъ, при слабости умѣренныхъ теченій социализма, оно приняло видъ остраго классового противорѣчія между „демократіей“ и „буржуазіей“. Умѣренные теченія социализма были убѣждены въ невозможности социалистическаго переворота и безусловно признавали необходимость идти вмѣстѣ съ „буржуазіей“, но въ то же время, они не могли, разорвать нитей, связывавшихъ ихъ въ общій социалистическій блокъ со сторонниками борьбы за немедленный социалистическій переворотъ. Это внутреннее противорѣчіе и вытекавшая изъ него неустойчивость так-

тики и погубили соціалістическій блокъ. Она просто сдѣлала его ни для кого ненужнымъ. Ибо позиція „буржуазной революціи“ лучше и послѣдовательнѣе защищалась несоціалістическими теченіями и наиболѣе организованнымъ изъ нихъ, партіей народной свободы. А позиція „соціалістической революціи“, опять таки, если не лучше, то послѣдовательнѣе развивалась большевистскими демагогами, находившими вѣру у солдатъ и рабочихъ. Призывъ этихъ демагоговъ къ углубленію классовой борьбы рылъ пропасть между двумя сторонами, и авторитетъ среднихъ теченій соціализма потонулъ въ этомъ прорывѣ.

4. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалась и иллюзія единства той „общенациональной демократической платформы“, которую защищалъ Церетели. Время искренняго, основаннаго на недоразумѣніи и на незнаніи, союза между соціалистами и несоціалистами прошло. И „соглашательская“ роль Церетели была сыграна. На очередь выдвигалось *соглашательство безъ убѣжденія*, при полномъ свѣтѣ вскрывшихся противорѣчій и при ясномъ пониманіи невозможности примирить ихъ. Общенациональная платформа, которая могла бы замѣнить обанкротившуюся партійную, была только одна: возстановленіе силы и единства власти, чтобы сохранить за грядущимъ представительствомъ *всего* народа свободу рѣшеній самыхъ коренныхъ вопросовъ политическаго и соціальнаго строя. Но господствующее пониманіе соціализма отвергало самое первое слово этой платформы: отвергало примѣненіе силы государственной властью. Дальнѣйшее управленіе безъ примѣненія силы было сознательнымъ бездѣйствіемъ власти, прикрытымъ революціонной фразой, потерявшей притомъ всякое конкретное содержаніе. Это бездѣйствіе власти равнялось добровольному самоустраненію ея отъ всякаго вліянія на жизнь и умыванію рукъ передъ тѣмъ, быстро прогрессировавшимъ, разложеніемъ во всѣхъ областяхъ жизни, которое неизбежно вытекало изъ сознательнаго же разжиганія центробѣжныхъ стремленій или изъ потворства этому разжиганію. Допуская рѣшительно все, революціонная власть, въ итогъ, приходила къ тому же результату, какъ власть стараго режима, которая ничего не допускала. Въ обоихъ случаяхъ жизнь текла мимо, неудержимымъ потокомъ, оставляя у власти печальное сознаніе собственнаго безсилія и парализуя ея волю въ тѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ, когда уже и непосвященной публикѣ становилось ясно, что нужно дѣйствовать, — а дѣйствовать было поздно.

Если бы нужно было отмѣтить собственными именами *три фазиса бездѣйствія власти*, пройденные революціоннымъ правительствомъ въ двухъ предшествующихъ періодахъ и въ томъ, который намъ теперь предстоитъ описать; 1) бездѣйствія, такъ сказать, безсознательнаго и наивнаго; 2) бездѣйствія, основаннаго на убѣжденіи, и 3) бездѣйствія, прикрывающагося фразой, то мы связали бы эти фазисы съ именами кн. Львова, И. Г. Церетели и А. Ф. Керенскаго.

Личная роль Керенскаго въ первомъ министерствѣ, въ качествѣ „заложника демократіи“, сводилась къ парализованію всѣхъ попытокъ власти быть властью и всѣхъ ея усилій воспрепятствовать процессу организаціи „революціонной демократіи“ подъ партійнымъ политическимъ флагомъ. Во второмъ правительствѣ А. Ф. Керенскій принялъ на себя положительную и въ высшей степени отвѣтственную роль возродителя боевой мощи арміи, на основѣ революціоннаго энтузіазма и „революціонной дисциплины“. Конкретная задача поставила его лицомъ къ лицу съ необходимостью принятія конкретныхъ мѣръ, неукладывавшихся въ кодексъ „непротивленія“. А это привело его къ полному противорѣчію съ партійными единомышленниками и съ самимъ собой. Изъ этого внутренняго противорѣчія ему такъ и не удалось высвободиться, когда ходъ событій выдвигаетъ его на постъ главнаго носителя высшей власти. Постепенно, противорѣчіе становится все болѣе замѣтнымъ и для окружающихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе выдвигается личный элементъ поведенія этого общественнаго дѣятеля. Всей силой перегибая революціонную колесницу въ сторону твердой власти, основанной на реальной поддержкѣ, но не рѣшаясь порвать и съ утопіей, которая тянула эту колесницу въ бездну, Керенскій чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился единственнымъ связующимъ звеномъ между флангами, утратившими взаимное пониманіе, при центрѣ, продолжавшемъ терять поддержку массы. Политическая позиція, въ началѣ понятная и даже неизбежная, все болѣе превращалась въ одинокую позу, выдерживать которую становилось трудно для актера, а наблюдать со стороны — невыносимо для зрителя. И дальнѣйшее пребываніе въ этой позѣ объяснялось уже не порывомъ общественнаго служенія, а влеченіемъ личнаго вкуса. Чѣмъ дальше продолжалось это топтаніе на мѣстѣ, тѣмъ рѣшительнѣе общая любовь къ символической личности, воплощавшей въ себѣ идеаль

революціи, уступали мѣсто столь же острымъ чувствамъ вражды и ненависти къ реальному политическому дѣятелю, ответственному за ея ошибки.

Уходъ отъ власти министровъ к-д. ночью второго Іюля, открывшій правительственный кризисъ, и возстаніе 3—5 Іюля, его продолжившее, сдѣлались началомъ довольно длительного кризиса власти. При каждомъ переходѣ власти отъ одного революціоннаго правительства къ другому, эти кризисы, вообще, становятся все болѣе продолжительными и болѣзненными. Причина затяжного характера даннаго кризиса ясна изъ только что сказаннаго. При очевидной слабости социалистическаго центра, онъ, повидимому, не могъ взять на себя созданіе чисто социалистическаго правительства. Лозунгъ „вся власть совѣтамъ“, пока большинство въ совѣтахъ принадлежало, именно, социалистическому центру, а не крайнимъ, былъ, въ сущности, для большевиковъ фиктивнымъ лозунгомъ. Онъ явно былъ рассчитанъ на невозможность осуществленія. Съ другой стороны, по самому существу своего взгляда на революцію, какъ на „буржуазную“, Церетели и его единомышленники вынуждены были опираться на „буржуазію“.

Уходъ к-д. въ этомъ ничего не измѣнялъ. „Правда“ еще 4-го Іюля открыто издѣвалась надъ министрами-социалистами и заявляла, что она не вѣритъ уходу к-д. „Кадеты просто „пугаютъ“ нашихъ добрыхъ министровъ-социалистовъ: либо уступите намъ въ вопросѣ о землѣ, въ вопросѣ о Финляндіи, о рабочемъ контролѣ, либо мы уйдемъ — ей-Богу, уйдемъ, вотъ даже уже зашляпу взялись. Милюковъ и К-о по богатому опыту знаютъ, что нѣтъ лучшаго средства осѣдлать Церетели, Чернова и другихъ „социалистовъ“ министровъ, какъ пригрозивъ имъ своей отставкой. И они ждутъ, что и на этотъ разъ имъ скажутъ: батюшка Милюковъ, (или, батюшка Шингаревъ), не уходи, ради Бога, на кого же ты насъ оставляешь“. Офиціозъ совѣтскаго большинства, „Рабочая Газета“, тогда же, дѣйствительно, писалъ: *„мы противъ перехода власти въ руки социалистовъ. Мы считаемъ необходимымъ добиваться всѣми силами коалицій въ министерствѣ съ представителями буржуазіи. Но съ какими? Съ тѣми лѣвыми элементами буржуазіи, которые искренно сами стремятся къ общей работѣ съ нами, которые понимаютъ требованія революціи, которые идутъ имъ навстрѣчу. Такіе элементы есть и во временномъ правительствѣ, и внѣ его, и разрывъ съ ними былъ бы въ высокой степени печаль-*

лень. Онъ осложнилъ бы положеніе революціи; онъ могъ бы оттолкнуть отъ нея ту массу буржуазной демократіи въ городѣ и деревнѣ, которая искренно идетъ сейчасъ подъ знаменемъ революціи". „Масса буржуазной демократіи въ городѣ и деревнѣ“, какъ разъ, шла за ушедшей изъ министерства партіей.

Но аргументація „Рабочей Газеты“, какъ и всегдашняя аргументація Церетели, никогда не хотѣла считаться серьезно съ интересами „массы буржуазной демократіи“. Нужна была лишь „демократическая платформа“, которая внѣшнимъ образомъ прикрывала бы разногласія и давала бы социалистамъ фикцію буржуазной поддержки для осуществленія ихъ собственныхъ плановъ. И разсужденіе „Рабочей Газеты“ направлено къ сохраненію той же позиціи, которая для к-д. стала непереносимой: мы беремъ тѣхъ, кто идетъ *съ нами* и дѣлаютъ *наше* дѣло. Гораздо послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія марксизма былъ с-д. Потресовъ, доказывавшій тогда въ „Днѣ“, что, если уже брать съ собой „буржуазію“, такъ надо брать типичныхъ ея представителей, настоящихъ защитниковъ крупной буржуазіи и интересовъ торгово-промышленнаго класса. „Было бы напрасно обманывать себя надеждой“, говорилъ онъ, „что можно укрѣпить власть любыми индивидуальностями изъ буржуазнаго міра. Нужно представительство вліятельныхъ общественныхъ организацій, а не отдѣльныхъ лицъ... Обойти *такихъ* представителей, . . . не значить ли это — строить на пескѣ не солидное зданіе власти, а карточный домикъ, который сдуетъ первый шквалъ еще не улегшейся стихіи. *Намъ нужна буржуазія буржуазной революціи, не какъ фиговый листъ, а какъ союзникъ*, на котораго въ *известныхъ предѣлахъ* можно разсчитывать“.

Это была — *реальная* постановка вопроса. Но идеологическая постановка Церетели была совсѣмъ другая. Идя, какъ всегда, навстрѣчу господствующему настроенію минуты, Церетели въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣтовъ не отрицалъ (4-го Іюля), по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, возможности передачи всей власти совѣтамъ. Онъ лишь настаивалъ, что-бы это было сдѣлано полномочнымъ органомъ совѣта. Отсюда вытекло его предложеніе, закрѣпленное резолюціей совѣтовъ (см. выше): рѣшить вопросъ о будущемъ составѣ правительства на специальномъ съѣздѣ совѣтовъ въ Москвѣ, черезъ двѣ недѣли, а до тѣхъ поръ оставить все, какъ было. Правда, это рѣшеніе противорѣчило официальному сообщенію кн. Львова губернскимъ комиссарамъ, отъ того

же 4-го Іюля, что правительство будетъ создаваться „въ прежнемъ соотношеніи представителей политическихъ теченій, *что вполне одобряется* Исполнительными Комитетами Совѣтовъ“.

Какъ бы то ни было, *на время* вопросъ былъ разрѣшенъ — отсрочкой рѣшенія. Въ неопредѣленной перспективѣ рисовалось социалистическое правительство, поставленное съѣздомъ совѣтовъ, а въ настоящемъ — должности ушедшихъ министровъ занимали, на неопредѣленное время, „пока пріищутъ кандидатовъ“, ихъ товарищи.

Было ясно одно — и объ этомъ кн. Львовъ заявилъ журналистамъ уже 3-го Іюля днемъ: „буржуазные“ элементы, равно-сильные ушедшимъ, не пойдутъ теперь въ правительство безъ опредѣленнаго соглашенія на программѣ. „Необходимо выяснить программу дѣятельности новаго правительства, и *только послѣ этого* можно будетъ предлагать тѣхъ или другихъ лицъ“. Для себя, какъ и для этихъ „другихъ“, кн. Львовъ хотѣлъ не „фиговаго листка“, а той „честной коалиціи“, о которой говорилъ и Потресовъ: соглашенія „въ извѣстныхъ предѣлахъ“. И было рѣшено, что „каждый министръ долженъ съ завтрашняго дня (4-го Іюля) подготовить планъ программы ближайшей дѣятельности правительства и завтра же въ дневномъ засѣданіи правительства выяснить свою опредѣленную точку зрѣнія, послѣ чего только и будетъ возможность говорить о составѣ новаго правительства“.

Но 4-го Іюля обломки правительства сидѣли въ штабѣ, принимая мѣры къ усмиренію возстанія. Кн. Львовъ въ тотъ же день послалъ цитированную выше телеграмму губернскимъ комиссарамъ, въ которой официально сообщалъ: „происшествіями вчерашняго и сегодняшняго дня прерваны переговоры объ образованіи правительства въ полномъ его составѣ, но, немедленно, послѣ ликвидации уличныхъ безпорядковъ эти переговоры возобновятся въ цѣляхъ созданія правительства *въ прежнемъ соотношеніи* представителей теченій“ и т. д.

Раньше, однако же, чѣмъ переговоры возобновились, правительственный кризисъ успѣлъ „углубиться“ еще больше. Утромъ, 5-го Іюля, ушелъ въ отставку министръ юстиціи П. Н. Переверзевъ при обстоятельствахъ, еще подчеркнувшихъ общую причину распада власти. Мы знаемъ, что наканунѣ, 4-го Іюля, министръ юстиціи согласился на опубликованіе документовъ контръ-развѣдки, обнаруживавшихъ подкупъ Ленина германцами и что это

рѣшеніе вызвало чрезвычайное волненіе въ органѣ „революціонной демократіи“.

Протестъ совѣта былъ поддержанъ, по другимъ соображеніямъ, Некрасовымъ и Терещенко. Между тѣмъ П. Н. Переверзевъ уже принялъ мѣры, неизбѣжно вытекавшія изъ опубликованія документовъ о Ленинѣ: онъ приказалъ (въ возникшей тогда уже полемикѣ правительство приписывало это распоряженіе себѣ) арестовать скомпрометированныхъ документами Козловскаго и Суменсонъ, поручилъ прокурору произвести разслѣдованіе о Ленинѣ и, въ случаѣ надобности, арестовать также и его, и его сообщниковъ, чтобы не дать имъ возможности скрыться въ Швецію. Наконецъ, онъ сговорился съ ген. Половцевымъ относительно очищенія особняка Кшесинской, остававшася главнымъ штабомъ большевиковъ во время возстанія. Послѣ всего этого правительство вдругъ отмѣнило рѣшеніе — опубликовать документы и утромъ, 5-го Іюля, сообщило министру юстиціи, что соглашается удовлетворить его прошеніе объ отставкѣ.

Все же аресты Козловскаго и Суменсонъ были произведены. Особнякъ Кшесинской, дача Дурново и Петропавловская Крѣпость, втеченіе 6-го Іюля, очищены были отъ большевиковъ, солдатъ и кронштадтскихъ матросовъ. „Самочинныя дѣйствія, аресты и обыски“ были воспрещены подъ угрозой наказанія „со всей строгостью закона“. Издано, наконецъ, слѣдующее постановленіе временнаго правительства: „всѣхъ, участвовавшихъ въ организаціи и руководствѣ вооруженными выступленіями противъ государственной власти, установленной народомъ, а также всѣхъ призывавшихъ и подстрекавшихъ къ нему, арестовать и привлечь къ судебной отвѣтственности, какъ виновныхъ въ измѣнѣ родинѣ, въ предательствѣ революціи“. А. Ф. Керенскій, благополучно вернувшійся въ Петроградъ изъ Дна, вечеромъ, 6-го Іюля, заявилъ изъ окна штаба собравшейся публикѣ и солдатамъ, что „русская революціонная демократія и онъ, уполномоченный ею военный министръ, поставленный во главѣ арміи, и временное правительство не позволяютъ никакихъ посягательствъ на русскую революцію“.

Въ то же время поручикъ Георгій Мазуренко, членъ центрального исп. комитета совѣтовъ, былъ, „по соглашенію съ исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ“, назначенъ командующимъ своднымъ отрядомъ войскъ, подходившихъ къ Петрограду на защиту Правительства. Среди этихъ войскъ назначеніе Мазуренко вызвало большое

недовольство. Оно еще усилилось тѣмъ, что въ своемъ приказѣ Мазуренко обратился къ войскамъ не отъ имени правительства, а отъ имени „высшаго органа революціонной демократической власти“. „Мы“, заявлялъ онъ отъ имени „стоящей на фронтѣ арміи“, „можемъ быть только съ тѣми, кто. . . честно и сознательно выполняетъ волю большинства революціонной демократіи, выраженную въ постановленіяхъ всероссійскихъ съѣздовъ с., р. и кр. депутатовъ. Мы. . . будемъ выполнять распоряженія и приказы центральныхъ *органовъ революціонной демократіи и врем. правительства*“. . . Въ первый разъ съ такой опредѣленностью формальное право Совѣтовъ распоряжаться военной силой было поставлено *вперед* права правительства. Прежде эта претензія обыкновенно вуалировалась... Требовалась лишь *контрасигновка* Чхеидзе и нѣкоторыхъ членовъ солдатской секціи Совѣта для выхода войскъ петроградскаго гарнизона изъ казармъ. Теперь „военный отдѣлъ“ исполнительнаго комитета телефонограммой 6-го Іюля, „подтверждалъ всѣмъ воинскимъ частямъ Петрограда, что всѣ распоряженія штаба главнокомандующаго петр. военнаго округа должны быть исполнены безпрекословно и немедленно, *такъ какъ эти распоряженія отдаются съ вѣдома* особой комиссіи отъ совѣта р. и с. д. при главнокомандующемъ“.

Рѣшительный перевѣсъ вліянія „революціонной демократіи“ въ первые дни послѣ усмиренія возстанія большевиковъ сказался и на веденіи переговоровъ о реорганизаціи правительства. Господствующимъ настроеніемъ органовъ совѣта въ эти дни былъ страхъ, какъ бы репрессіи правительства не пошли слишкомъ далеко. Въ самомъ дѣлѣ, власть попыталась арестовать Ленина, распустила наличный составъ Ц. К. Балтійскаго флота, потребовала отъ командъ балтійскаго флота „изъятія подозрительныхъ лицъ, призывающихъ къ неповиновенію временному правительству“, а отъ Кронштадтскихъ матросовъ и отъ командъ „Петропавловска“, „Республики“ и „Славы“, запятнанныхъ контръ-революціонными дѣйствіями и резолюціями, — арестовъ въ 24 часа зачинщиковъ. На слѣдующій день запрещенъ былъ ввозъ въ Армію „Правды“, „Окопной Правды“ и „Солдатской Правды“. Правительство впервые рѣшилось открыто заговорить о „дѣятельности нѣмецкихъ агентовъ и провокаторовъ“ на судахъ Балтійскаго флота, о томъ, что „съ несомнѣнностью выяснилось, что безпорядки въ Петроградѣ были